

TEATP

№ 2

1955

В. НАЧИНКИН — ЧЕБУТЫКИН

Саратовский театр юного зрителя впервые поставил Чехова. Большинство исполнителей — молодежь. Поэтому особенно сильна влюбленность в пьесу, особенно свежо стало восприятие «Трех сестер» всеми участниками спектакля.

Роль Чебутыкина в «Трех сестрах» исполняет актер старшего поколения — заслуженный артист республики В. Начинкин.

«Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может летать», — вот зерно образа, созданного Начинкиным. Единственное желание этого опустошенного человека — спасти семью Прозоровых от гибели, от протопоповых, от того, что постигло и раздавило его самого.

Зритель как бы видит двух Чебутыкиных: одного — вялого, опустошенного чудака, который «все забыл», и другого, — мучительно и страстно тоскующего по настоящей жизни. Какая она, эта жизнь, он не знает. Но бессильный протест против засосавшей его пошлости мы ощущаем в глазах, в том, как этот неуклюжий человек слушает людей, всматривается в них. Только он один видит, что ждет Андрея Прозорова. Видит, но не способен помочь, как не мог спастись сам. Такова драматическая линия роли, развиваемая Начинкиным (последовательно и действенно) от одного эпизода к другому. Монолог первого акта Начинкин произносит торжественно, как сказано в ремарке. Видно, что очень редко этот нескладный человек говорит «о самом дорогом, что только есть на свете», очень редко не прячет чувств за привычной скептически-насмешливой манерой. В этом монологе слова «я любил покойницу маму» у Начинкина означают только давность любви к семье Прозоровых.

Лишь во втором акте одному Андрею впервые доверяет Начинкин — Чебутыкин тайну всей своей жизни: «Я безумно любил твою матушку, которая была замужем». Он говорит это Андрею именно сейчас, когда тот надломлен и, казалось, способен понять душевные муки человека. Только по глазам, тревожным и тоскующим, видно, что признание это всколыхнуло в Чебутыкине мучительную боль воспоминаний. А девать эту боль некуда — Андрей и не заметил признания, занятый своей собственной бедой.

Пьяный, Чебутыкин резко меняется. Вместо мешковатой, медлительной, добродушной повадки в нем проявляется злобная нервность. Взлохмаченный, с искаженным лицом, он не находит себе места. Разбив часы, он почти злорадуется — все рушится, так пусть и эта драгоценная память разобьется вдребезги. Он больше не хочет мириться с безволием дорогих ему людей. И яростно, грубо, отчетливо он говорит: «У Наташи романчик с Протопоповым». Злобно он смакует пошлое слово «романчик». Чем хуже — тем лучше.

И очень трезво и мудро в четвертом акте он делает последнюю попытку спасти Андрея. «Уходи», — говорит он, с ненавистью поглядев в окно на Наташу. Он знает, что пошлость не побороть, не сломить. Как бы стараясь вселить в Андрея веру в необходимость бежать отсюда, как бы гипнотизируя его, Начинкин повторяет: «Уходи и иди без оглядки». И за этим слышится подтекст: «Иначе ты станешь таким, как я. Нам, не умеющим изгонять пошлость, нужно во-время бежать от нее. Иначе мы гибнем». Интонации актера точны, текст роли вылеплен бережно, и кажется, что слова рождаются здесь, на сцене, в результате напряженной внутренней жизни.

Начинкин наполняет образ истинно чеховской правдой драматических противоречий души, страдающей, «точно перелетная птица, которая состарилась, не может летать».

Образ Чебутыкина, созданный В. Начинкиным, — большая и радующая актерская удача.

С. Дунина

